

цветное существо, «одолеть» которое будущему автору «Преступления и наказания» не составляло большого труда. Как бы само собой разумеется, что, кроме своих физических достоинств (которые определяются в основном словом «красавец», прилагаемым к герою никогда не видевшей его Любовью Федоровной), Вергунов якобы ничего не может противопоставить победительному обаянию Достоевского. Однако обнародованные сравнительно недавно архивные документы способны сильно поколебать эту успокоительную концепцию.

Во-первых, выясняется: скромный уездный учитель не столь уж безлик. Он дерзко вступает в заведомо безнадежный для него спор со своим непосредственным начальством – смотрителем местных училищ, стремясь прежде всего отстоять свое человеческое достоинство. (Правда, этот конфликт случится лишь в 1863 г., но, надо полагать, что предшествующие семь лет не слишком изменят стиль поведения и личность Николая Борисовича.) На упреки куратора в невыполнении им, Вергуновым, своего педагогического долга он не без некоторого высокомерия отвечает, что «десятилетняя служба моя и формулярный список, которыми я постоянно аттестован «способен и достоин», могут вывести Вас из того заблуждения, в которое Вы впали, вероятно, в запальчивости...» Претензии смотрителя училищ Вергунов почитает «уже не за личное оскорбление, а официальное». Он указывает вышестоящему чиновнику, что «Законами Российской Империи начальствующим лицам не дано право оскорблять подчиненных, в какой бы зависимости они не были». Разумеется, подобный тон, равно как и «система доказательств», не могли вызвать у адресата, от которого не в последнюю очередь зависела карьера Вергунова, особых к нему симпатий.

В общем, въедливый Николай Борисович – а ему в ту позднюю пору исполнится уже тридцать два – заражен не свойственной его чину и возрасту амбициозностью. Отвергая еще одно обвинение – в невежливости, он наставительно указывает смотрителю училищ, что «даже в простом быту, а не только в обществах образованных, входящий в частный дом или общественное заведение, какого рода оно бы не было, обязан предварительно поклониться и тем, в первом случае, оказать привет хозяину, а, во-вторых, обществу, с которым желает провести время». Но увы! Посетивший его в училище адресат этих обвинений не счел нужным руководствоваться такими простыми и очевидными правилами. «Вы, к сожалению, этих условий не соблюли, а, снявши галоши и шинель, едва-едва поклонились учащимся, а не только мне – меня вы и не заметили. Следовательно, с моей стороны не было ничего ни неприличного, ни невежливого».⁹

Это – характер. Можно аттестовать его как заносчивый и занудный, а можно – как весьма и весьма уязвимый. Во всяком случае, тут вопиет самолюбие. Не схожа ли в чем-то эта административная полемика с давней почтовой дуэлью – между молодым Достоевским и его опекуном А.П. Карепиным, когда для одного из корреспондентов важен не столько практический результат, сколько нравственная победа?¹⁰

Итак, Вергунов умел не только «плакать». И его «ругательное» (не дошедшее до нас) письмо к Достоевскому, у которого он при личной их встрече «сам просил... дружбы и братства» (опять сугубо шиллеровский мотив!), – более адекватный ответ на призывы одуматься и не обречь Марию Дмитриевну «на вечный Кузнецк», нежели рыдания на груди увещателя. Реакция Вергунова, который, очевидно, как и в будущем своем конфликте со смотрителем училищ, примет внушаемые ему советы «за личность и оскорбление», – отнюдь не признак «дурного сердца», что было предположено Достоевским. Скорее это естественная самозащита.

9. См.: Кушникова М., Тогулев В. Загадки провинции. Новокузнецк, 1996.

10. Подробнее см.: Волгин И. Родиться в России.